

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.35.005

А.С. Усачев

ВЛАДИМИРСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ПОЧИТАНИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В РОССИИ XVI в.

опряженное с целым рядом самых разнообразных фактов из области церковной, социальной, экономической, а в ряде случаев и политической истории почитание святых в эпоху Средневековья трудно свести лишь к истории прославления того или иного лица. Почитание, в частно-

сти, влияло, а в некоторых случаях и определяло статус и материальное положение обители, являвшейся его главным центром. Впрочем, последнее было лишь одним из целого ряда факторов, определявших положение обители в церковной иерархии. Хотя их набор, как правило, был стабильным, влияние каждого в конкретном случае могло различаться, порой весьма существенно. Стремясь нащупать их соотношение на конкретном материале, свое внимание мы сосредоточим на ряде фактов из истории весьма значимой обители эпохи русского Средневековья — Владимирского Рождественского монастыря, с XIII в. ставшего главным центром почитания великого князя владимирского Александра Ярославича. Специально не рассматривая литературную историю целого ряда памятни-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

ков, посвященных этому святому, а также историю его почитания в целом — данным вопросам посвящено немало работ², — мы рассмотрим возможную связь между почитанием Александра Невского, а также некоторыми другими слагаемыми известности и влияния монастыря, с одной стороны, и статусом владимирской обители — с другой.

Сразу напомним читателю общеизвестный факт: Владимирский Рождественский монастырь длительное время занимал 1-е место в иерархии русских обителей. Его архимандрит возглавлял перечни настоятелей, присутствовавших на Освященном соборе.

Лишь с 1561 г. 1-ю строку в иерархии занял Троице-Сергиев монастырь. Это было обусловлено беспрецедентным ростом популярности Сергия Радонежского среди представителей всех слоев населения. В XVI в. по историческим меркам относительно недавно скончавшийся святой наряду с князьями-страстотерпцами Борисом и Глебом возглавил перечень наиболее почитаемых русских святых³. Владимирская обитель заняла 2-е место в иерархии. Оно за ней закрепилось на долгие годы⁴.

Очевидно, что Владимирский Рождественский монастырь в рассматриваемый период — как до, так и после 1561 г. — занимал исключительно высокое место в церковной иерархии. В поисках объяснения данного казуса обратим внимание на ряд факторов, в период Средневековья

² См.: Мансикка В.П. Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). М., 1913; Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Brill; Leiden; Boston, 2006; Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007; Конявская Е.Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55–63; Она же. Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 209–218; Сиренов А.В. Александр Невский в культуре России Средневековья и Нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016. М., 2017. С. 368–380.

³ Так, согласно подсчетам А.Г. Мельника, по числу освященных во имя Сергия церковей основатель радонежской обители уступал лишь Борису и Глебу (см.: Мельник А.Г. Самые популярные русские святые в XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 83–84). Подробнее о почитании Сергия см.: Тихонравов Н.С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892; Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 1. М., 1998; Мельник А.Г. К истории почитания св. Сергия Радонежского в XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2012. С. 23–31; Он же. Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях XVI в. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 152–156.

⁴ В 1720 г. Владимирский Рождественский монастырь в иерархии русских обителей опустился на 3-е место, пропустив вперед основанный Петром I Александро-Невский монастырь (см.: Тихонравов К.Н. Владимирский Рождественский монастырь XII века, где почивали св. мощи в. к. Александра Невского, до перенесения в С.-Петербург. Владимир, 1869. С. 13).

определявших как формальный статус обители, так и ее реальный внутрицерковный и экономический «вес» (первый и второй далеко не всегда совпадали). К их числу относились персональный состав иноков, статус и материальные возможности вкладчиков, история обители и, конечно, святыни, которыми она располагала.

Состав вкладчиков и насельников

Помимо русских государей, которые в той или иной мере покровительствовали едва ли не всем более или менее значительным обителям страны, судя по сохранившимся актам, с Владимирским Рождественским монастырем по преимуществу вкладами были связаны мелкие служилые люди: Басаргины⁵, Бородины⁶, Всеволожские (Всеволоцкие)⁷, Выповские⁸, Лимоновы⁹, Копнины¹⁰, Недюревы¹¹, Опочинины¹², Симоновы¹³, Суще-вы¹⁴, Тумские¹⁵, Шамшовы¹⁶ и др. Среди вкладчиков монастыря, представлявших титулованную знать, выделяются князья Гундоровы¹⁷, Ковровы¹⁸, Кривоборские¹⁹ и Ромодановские²⁰. Некоторые из представителей

⁵ Антонов А.В. Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 187 (№ 41), с. 190 (№ 66), с. 191–192 (№ 81); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — нач. XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2000. Вып. 6. № 10.

⁶ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 16.

⁷ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 196 (№ 116).

⁸ Там же. С. 191 (№ 79).

⁹ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 193 (№ 94); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 18, 21.

¹⁰ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 15, 20.

¹¹ Там же. № 14, 32.

¹² Там же. № 31.

¹³ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 196 (№ 124); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 35, 37.

¹⁴ Маиштафаров А.В. Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 40–41 (№ 2); Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 199 (№ 146); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 22.

¹⁵ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 197 (№ 132).

¹⁶ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 197 (№ 133); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 27, 29.

¹⁷ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 17, 25.

¹⁸ Там же. № 12.

¹⁹ Маиштафаров А.В. Вновь открытые монастырские акты... С. 39–40 (№ 1).

²⁰ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 195 (№ 107–108), с. 201 (№ 158); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 43.

Святой Александр Невский. Фреска, 1666 г.
Москва, Кремль, Архангельский собор, роспись юго-восточного столпа

этих родов приняли постриг в стенах Владимирского Рождественского монастыря²¹. Статус в миру большинства его насельников, как, впрочем, и насельников иных монастырей, неизвестен.

Нетрудно заметить, что в случае с вкладчиками и некоторой частью иноков речь шла далеко о не самых значительных и состоятельных родах русской знати рассматриваемого периода. Среди них редко можно встретить роды уровня Государева двора и тем более Боярской думы. Как правило, речь шла о родах сравнительно небогатых служилых землевладельцев. Подобных родов в каждом уезде было по несколько десятков. Счет таким служилым людям в России XVI в. шел на десятки тысяч. Очевидно, что в случае с вкладчиками этой обители (разумеется, за исключением великих князей) речь не идет о родах, представители которых занимали высшие ступени в служебной иерархии Московской Руси XVI в.²² Среди

²¹ Напр., А.И. Басаргин, Варлаам (Суцев) и кн. А.И. Ковров (см.: Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 10, 12, 15).

²² Единственное известное нам исключение — относящийся к самому концу XVI в. (к 25 декабря 1599 г.) вклад князя Ивана Шуйского (серебряная чаша для освящения воды весом в 13 фунтов 30 золотников) (см.: Тихонравов К.Н. Владимирский Рождественский монастырь... С. 68–69).

знатных лиц, связанных с монастырем, мы не находим князей Бельских, Мстиславских, Воротынских, Сицких, Курбских, а также Романовых, Шереметевых, Морозовых или Сабуровых. Статус ктиторов владимирской обители существенно ниже²³. Очевидно, что с точки зрения статуса иноков и вкладчиков Владимирский Рождественский монастырь трудно поставить в один ряд как с мужскими монастырями — Чудовым, Симоновым, Кирилло-Белозерским и тем более Троице-Сергиевым²⁴, — так и с женскими — суздальским Покровским и столичным Новодевичьим²⁵.

Роль в церковном управлении

Занимаемая сначала 1-я, затем 2-я строка в иерархии монастырей обеспечивала архимандриту владимирской обители *de facto* статус «постоянного» члена Освященного собора, который в XVI в. отличал лишь архиереев и настоятелей очень немногих монастырей (Троице-Сергие-

²³ В силу сравнительно плохой сохранности архива владимирской обители (об этом, напр., см.: Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... С. 90) сравнивать ее экономические возможности с другими монастырями на данном этапе не представляется возможным.

²⁴ О социальном и персональном составе лиц, связанных с этими обителями, см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977; Ивина Л.И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С.Н. Богатырева. М., 1996; Dykstra T.E. Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006; Дайкстра Т. Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 238–298; Николаева С.В. Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад, 2009; Дмитриева З.В. Старцы-вкладчики Кирилло-Белозерского монастыря (1540–1610-е годы) // Историк и источник: сб. ст. к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. М.; СПб., 2018. С. 238–255; Добровольская М.В. Московская знать по антропологическим материалам некрополя Чудова монастыря // Археология Московского Кремля. Раскопки 2016–2017 гг. М., 2018. С. 130–137; Алексеев А.И. Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 5–239.

²⁵ О составе их вкладчиков и насельниц см.: Марголина Т.А. К вопросу о связи московского боярства с Новодевичьим монастырем // Новодевичий монастырь в русской культуре. Мат. науч. конф. 1995 г. М., 1998 (Труды ГИМ. Вып. 99). С. 70–72; Шведова М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Там же. С. 73–93; Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV — начало XVII в. М., 1998; Курганова Н.М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007. С. 35–62; Акты Покровского суздальского Девичьего монастыря XVI — начала XVII века. М., 2019.

ва, Новоспасского, Симонова и Чудова). В некоторых случаях настоятель владимирской обители не принимал участие в работе Собора, что, впрочем, в большинстве случаев, по-видимому, обуславливалось отсутствием архимандрита в самом монастыре в данный момент²⁶.

Конечно, влияние обители на церковное управление определялось не только участием ее настоятеля в работе Освященного собора. Порой гораздо важнее было общее число выходцев из этой обители, ставших настоятелями других монастырей и архиереями. Например, именно многочисленные выходцы из Иосифо-Волоколамского монастыря, возглавившие целый ряд монастырей и кафедр, долгие годы обеспечивали ему определяющую роль в церковном управлении²⁷. Сколько руководителей Русской церкви вышло из стен Владимирского Рождественского монастыря?

В 1517–1531 гг. Суздальскую кафедру занимал Геннадий. Ранее на протяжении ряда лет он являлся архимандритом владимирской обители. До этого Геннадий возглавлял московский Богоявленский монастырь. Согласно Макарию (Веретенникову), он мог являться его постриженником²⁸. Судя по всему, Геннадий возглавил владимирскую обитель около 1510/11 г. В этом году Василий III адресовал грамоту «в монастырь строителю с братиею»²⁹ (т.е. архимандрита в обители в этот период, по-видимому, не было). Не позднее июня 1511 г. Геннадий уже точно являлся архимандритом Владимирского Рождественского монастыря. К этому времени относится его вклад Сударя в Архангельский собор Московского Кремля³⁰.

Есть основания предполагать, что из стен владимирского монастыря вышел еще один суздальский владыка — Пафнутий, занимавший кафедру в 1567–1569 гг. Архимандрит данной обители с именем Пафнутий фиксируется под 1565/66 г.³¹ и в апреле 1566 г.³² Учитывая то, что в пе-

²⁶ Так, по-видимому, на момент составления Приговорной грамоты Собора 1566 г. во владимирской обители не было настоятеля. Подробнее об этом см.: Усачев А.С. О составе Освященного собора в 1566 г. // Представительные институты в России в контексте европейской истории. XV — середина XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2017. С. 110–115.

²⁷ Подробнее см.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 281–319; Усачев А.С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.

²⁸ О нем подробнее см.: Макарий (Веретенников). Суздальский епископ Геннадий 1517–1531 гг. // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 215–222.

²⁹ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 188 (№ 47).

³⁰ Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М., 2004. С. 106–107 (№ 13).

³¹ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... С. 111 (№ 18).

³² Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 662.

речне соборных старцев Владимирского Рождественского монастыря 1559/60 г. Пафнутия нет³³ (как правило, настоятелем становился кто-то из них), можно предположить, что, скорее всего, он прибыл во Владимир, как и Геннадий, «со стороны» (возможно, из московской или подмосковной обители).

С 1578 по 1602 г. Тверскую кафедру занимал Захария. Ранее — между 1572/73 г. и осенью 1578 г. — он являлся архимандритом Владимирского Рождественского монастыря³⁴.

Пожалуй, самым известным выходцем из монастыря стал вологодский (1588–1603 гг.), а позднее (1603 — ок. 1604–1605 гг.) ростовский владыка Иона (Думин). Это единственный из настоятелей Владимирского Рождественского монастыря, о котором точно известно, что он являлся его постриженником (постриг он принял у Захарии). В роли архимандрита Иону (Думина) источники фиксируют с 1580 г.³⁵ по 1587/88 г.³⁶ (учитывая упоминание под 18 марта 1585 г. архимандрита Германа³⁷, можно предположить, что Иона возглавлял монастырь с некоторым перерывом; не позднее 22 сентября 1586 г. он вновь стал архимандритом³⁸).

Весьма тернистым был путь Варлаама (Рогова) к Ростовской кафедре, которую он занимал в 1587–1603 гг. Будучи уроженцем Карелии, он возглавлял с перерывами несколько обителей: в 1560, 1563–1564 и 1584–1587 гг. — Кирилло-Белозерский, в 1569 г. — около 1580 г. Соловецкий, в 1583 г. — Зосимов Ворбозомский Благовещенский и в 1583–1584 гг. — Владимирский Рождественский монастыри. На Ростовскую кафедру он был поставлен из кирилловских игуменов³⁹. Очевидно, что Варлаама, связанного в большей степени с обителями Севера страны, нежели ее Центра, в полной мере выходцем из Владимирского Рождественского монастыря именовать трудно. Эта обитель была лишь одной из многочисленных остановок на его весьма длительном пути к кафедре.

³³ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 15.

³⁴ О нем см.: Макарий (Веретенников). Захария // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 695.

³⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 59 (№ 40); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 29.

³⁶ Антонов А.В. Вотчинные архивы... С. 199 (№ 142) (14 февраля 1587 г.); Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 34 (1587/88 г.).

³⁷ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 31.

³⁸ Там же. № 33.

³⁹ Основные факты биографии Варлаама см.: Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Варлаам (Рогов) // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 597–598.

Богородице-Рождественский монастырь во Владимире. Гравюра XIX в.

Как видим, за рассматриваемый период из стен Владимирского Рождественского монастыря вышло пять архиереев (с учетом Варлаама)⁴⁰. Принимая во внимание то, что, согласно нашим подсчетам, в XVI в. кафедры занимали 122 лица (некоторые возглавляли последовательно две и более кафедры), это не так мало. Однако, оценивая степень влияния владимирской обители на управление Русской церковью, следует обратить внимание на ряд обстоятельств.

Во-первых, ставшие архиереями выходцы из владимирской обители по своему числу существенно уступают выходцам из главных «кузниц» архиереев XVI в. — Иосифо-Волоколамского (не менее 18 архиереев), Троице-Сергиева (не менее 11) и Кирилло-Белозерского (не менее 10) монастырей.

Во-вторых, обратим внимание на статус занимаемых кафедр. «Владимирцы» возглавляли Ростовскую, Тверскую, Суздальскую и Вологодскую кафедры. При всей их значимости по своему статусу они значительно уступали Всероссийской, Новгородской и Казанской кафедрам, а по реальному влиянию на управление Церковью — Крутицкой (ее архиерей,

⁴⁰ Руководителей значимых обителей, которые бы происходили из стен Владимирского Рождественского монастыря, нам выявить не удалось. Конечно, в условиях горизонтальной мобильности населения (вопрос о ее масштабах требует отдельного исследования) некоторые иноки владимирской обители уходили в другие, подчас занимая там весьма заметное место. Так, известен постриженник Владимирского Рождественского монастыря Дорофей, который 15 марта 1549 г. упоминается в роли казначея столичного Чудова монастыря (см.: Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 11).

фактически будучи вторым московским архиереем, являлся ближайшим помощником руководителя Русской церкви в управлении обширной Митрополичьей (позднее — Патриаршей) областью⁴¹).

В-третьих, обратим внимание на то, что три выходца из пяти — Захария, Иона (Думин) и Варлаам (Рогов) — заняли кафедры в конце 70-х — 80-е гг. Речь шла о периоде резкого ослабления Иосифо-Волоколамского монастыря и некоторых других значимых обителей Центра страны. В период эпидемий рубежа 60—70-х гг. XVI в. они потеряли значительное число насельников, тем самым значительно облегчив путь к занятию кафедр выходцам из других обителей⁴². При «нормальной» ситуации кафедры занимали, как правило, выходцы из монастырей Москвы и Подмосковья.

В-четвертых, обратим внимание на то, что, судя по всему, значительная часть — возможно, все (за исключением, конечно, Ионы Думина) архимандриты являлись «мигрантами»⁴³. По крайней мере, Геннадий и Варлаам (Рогов) являлись выходцами из других обителей; относительно происхождения Пафнутия и Захария трудно сказать что-либо определенное. Судя по всему, руководство (как правило, относительно непродолжительное) Владимирским Рождественским монастырем, занимавшим 1–2-е место в иерар-

⁴¹ Особое положение крутицкого владыки, в частности, закрепляет гл. 68 Стоглава (см.: *Емченко Е.Б.* Стоглав: исследование и текст. М., 2000. С. 360).

⁴² О влиянии эпидемий на ослабление ряда монастырей Центра страны, а также на изменение структуры епископата Русской церкви последней трети XVI в. см.: *Усачев А.С.* Почему закончилась «волоколамская гегемония»... С. 109–113; *Он же.* Вологодский епископ Антоний и Русская Церковь в период борьбы за власть при дворе в середине 1580-х гг. // *Российская история.* 2018. № 6. С. 136–146; *Он же.* Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // *Российская история.* 2019. № 6. С. 190.

⁴³ Возможно, с этим связано то, что единственным известным нам выходцем из Владимирского Рождественского монастыря, который, заняв кафедру, не порывал с ним связь, являлся Иона (Думин). Известно, что он, с одной стороны, «бил челом» государю, защищая его имущественные интересы (см.: *Кистерев С.Н.* Владимирский Рождественский монастырь... № 41). С другой — Иона сделал в обитель целый ряд вкладов — деньгами, книгами и церковной утварью (см.: *Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря* // *Труды Владимирского губернского статистического комитета.* Владимир, 1864. Вып. 3. С. 9–10; *Флоря Б.Н.* О реконструкции состава древнерусских библиотек // *Древнерусское искусство. Рукописная книга.* Сб. 1. М., 1972. С. 57–59; *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // *Труды отдела древнерусской литературы.* Л., 1981. Т. 36. С. 73–74, 77–78; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 170–200; *Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 345–350). Кроме того, на средства Ионы (на тот момент ростовского митрополита) в монастыре была построена надвратная церковь стоимостью 250 руб. (см.: *Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря.* С. 10).

хии, для них всех или какой-то их части являлось значимым карьерным «трамплином» перед занятием какой-либо кафедры. Известно, что в XVI в. сходную функцию выполняли и другие исключительно статусные монастыри — столичные Новоспасский (3-е место в иерархии) и Симонов (4–5-е). Их архимандритами становились пользовавшиеся покровительством влиятельных духовных и светских лиц выходцы из менее статусных монастырей (Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, старицкого Успенского, костромского Ипатьева), прокладываявшие себе тем самым путь к занятию значимых кафедр. Это в свою очередь означает, что какой-либо самостоятельной влиятельной группы владимирская обитель не создала.

История обители

Владимирский Рождественский монастырь являлся одним из старейших в Северо-Восточной Руси⁴⁴. Он был основан владимирским князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в конце XII в. Огромное значение имело и место расположения монастыря. Он находился в главном городе великокняжеского домена, за обладание которым московские князья вели длительную и напряженную борьбу.

Трудно сомневаться в том, что расположенный в древней столице великого княжения, пусть и потерявшей свой реальный административный, экономический и тем более политический «вес», монастырь многие годы в традиционном обществе эпохи Средневековья выглядел гораздо более выигрышно по сравнению с относительно недавно основанными монастырями, даже располагавшими немалым влиянием. Очевидно, что с точки зрения древности с Владимирским Рождественским монастырем за редкими исключениями⁴⁵ иные наиболее значительные обители России рассматриваемого периода в одном ряду не стояли. Они были, по меркам того времени, еще слишком «молоды»: Троице-Сергиев монастырь был основан в середине XIV в., Чудов — в 1360-е гг., Симонов — в 1370-е гг., Кирилло-Белозерский — в 1390-е гг., Пафнутьев Боровский — в 1440-е гг., Иосифо-Волоколамский — в 1470-е гг.

Однако одной истории было мало для сохранения статуса и положения. Пример исключительно «молодого» монастыря — Иосифо-Во-

⁴⁴ Подробнее об истории обители см.: *Тихонравов К.Н.* Владимирский Рождественский монастырь... С. 5–18.

⁴⁵ Новгородские Юрьев, Антоньев (основаны не позднее первой четверти XII в.) и Спасо-Хутынский (середина XII в.) монастыри.

Вид церкви Рождества Пресв. Богородицы.
До возобновления. Изображение XIX в.

локоламского — за три-четыре десятилетия после своего основания занявшего ключевую роль в церковном управлении, показывает, что только длительной и славной истории еще было недостаточно для удержания обителью своих позиций. Требовались иные преимущества.

Главная святыня

Особый авторитет монастыря обеспечивала уникальная святыня, дающая ему возможность стать главным центром ее почитания. Такой святыней для Владимирского Рождественского монастыря стали мощи едва ли не самого прославленного великого князя владимирского XIII в., младшему сыну которого было суждено основать династию московских государей. Особое внимание к Александру Ярославичу в рассматриваемый период определялось соображениями церковного и политического порядка. Очевидно, что для русского государя, в 1547 г. принявшего царский (по сути, императорский) титул, поставивший его в один ряд с правителями Римской и Византийской империй, наличие святого среди его прямых предков имело исключительное значение. Обратим внимание на ряд обстоятельств.

Вид церкви Рождества Пресв. Богородицы.
По возобновлению по Высочайшему Повелению. *Изображение XIX в.*

Во-первых, прочие достаточно давно почитаемые святыми предки московских государей — киевские князья Ольга и Владимир — положили начало многим династиям. Среди их потомков были как московские князья, перешедшие к ним на службу потомки суздальских, ярославских, белозерских, тверских и черниговских князей, так и целый ряд родов, представители которых проживали на территории главного противника Русского государства в конце XV — в XVII в. — Польско-Литовского государства (с 1569 г. — Речи Посполитой).

Во-вторых, самые популярные, если судить по числу освященных церквей, русские святые — князья-мученики Борис и Глеб⁴⁶, — а также некоторые другие святые князья (Всеволод Псковский, Евфросиния Полоцкая и др.) к числу прямых предков московских государей не принадлежали. Конечно, наличие святого князя в роду потомков крестителя Руси Владимира — святого «сродника» московского государя, пусть и не являвшегося его прямым предком, — повышало авторитет династии в целом. С этим и была связана предпринятая вскоре после принятия царского титула Иваном IV автором Степенной книги (рубеж 50–60-х гг. XVI в.)

⁴⁶ Мельник А.Г. Самые популярные русские святые... С. 83–84.

попытка в рамках одного произведения исторической литературы собрать все известные памятники княжеской агиографии и приближенные к ним по стилистике произведения. В памятник были включены Жития Ольги, Владимира, Бориса и Глеба, Николая Святоши, Всеволода Псковского, Евфросинии Полоцкой, Александра Невского. Рассказы о многих других князьях, еще не причтенных к лику святых — в первую очередь о прямых предках Ивана IV, также были выдержаны в агиографических тонах и при наличии соответствующего материала сопровождались похвалой и чудесами⁴⁷. В сходной тональности были выполнены и иконографические портреты русских государей в росписи Архангельского собора Московского Кремля⁴⁸.

В-третьих, следует отметить, что почитание непосредственно московских князей — прямых предков Ивана IV — еще только начиналось. Это касалось как первых московских князей⁴⁹, так и отца первого русского царя — Василия III⁵⁰. Конечно, представляя выполненные в агиографических тонах портреты русских князей, некоторые книжники XVI в. выражали надежду на то, что их святость будет признана «еще не здесь, то в будущий век» (Степенная книга)⁵¹. Эта оговорка, впрочем, не могла заслонить очевидный факт: до официально признанной Освященным собором Русской церкви святости, конечно, было еще очень далеко⁵².

В-четвертых, интерес к Александру Невскому подогревался и сложной внешнеполитической ситуацией середины — второй половины XVI в. В условиях тяжелейшего противостояния с осколками Золотой Орды — Казанским и Крымским ханствами, а также начала Ливонской

⁴⁷ Подробнее см.: *Lenhoff G. Unofficial Veneration of the Danilovichs in Muscovite Rus' // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 391–416; Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 375–393.*

⁴⁸ *Сизов Е.С. «Воображены подобия князей»: Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969; Самойлова Т.Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004.*

⁴⁹ Об этом подробнее см.: *Lenhoff G. Unofficial Veneration... С. 391–416.*

⁵⁰ Напр., см.: *Розов Н.Н. Похвальное слово великому князю Василию III // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 278–289; Самойлова Т.Е. Новооткрытый «портрет» Василия III и идея святости государя и государева рода // Искусствознание. 1/99. С. 39–58.*

⁵¹ *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 334.*

⁵² Достаточно вспомнить, что отдельные московские князья были канонизированы в XVII в. (основатель династии Даниил Александрович), другие лишь в конце XX в. (Дмитрий Донской) или даже в начале XXI в. (Евдокия-Евфросиния), а большинство не были канонизированы вовсе.

войны фигура являвшегося прямым предком Ивана IV непобедимого полководца, одерживавшего победы над шведами и немцами, умевшего договариваться с татарами, служила зримым примером для подражания первого русского царя. Не случайно в 1550 г., отправляясь в очередной казанский поход, Иван IV посетил именно Владимирский Рождественский монастырь, в котором помолился у гроба своего прародителя⁵³, а также принял меры по восстановлению целого ряда владимирских святынь⁵⁴. Внешнеполитическая актуальность образа Александра остро ощущалась и полтора столетия спустя. Так, в 1723 г. далеко не самый богомольный русский государь — Петр I — приказал перенести мощи великого князя из владимирской обители в специально основанную в новой столице Александро-Невскую лавру.

Очевидно, что почитание Александра имело особое значение для великого князя владимирского, а позднее московского. Вместе с тем следует отметить, что, судя по всему, Александр даже спустя какое-то время после его канонизации не входил в число наиболее почитаемых святых в России XVI в. Так, например, А.Г. Мельник, представивший сводку сведений о случаях посвящения церквей во имя русских святых в XVI в., Александра Невского не отнес к числу 11 наиболее известных русских святых⁵⁵. Конечно, отчасти это можно связывать со сравнительно поздней канонизацией Александра Невского — умерший в 1263 г. князь был прославлен лишь на Соборе 1547 г., состоявшемся почти одновременно с венчанием Ивана IV на царство. При этом, однако, нельзя не заметить, что в XVI в. известно немало число церквей, освященных во имя Зосимы и Савватия Соловецких, также причтенных к лику святых в 1547 г.⁵⁶ Первые известные случаи освящения церквей во имя Александра Невского относятся лишь к концу XVI — началу XVII в.⁵⁷

Конечно, в ситуации, когда почитание владимирского князя еще не слишком широко распространилось по стране, ключевая роль в формировании культа принадлежала обители, в стенах которой покоились его мощи. В актах начиная с XIV в., исходящих от столичных светских и церковных властей, монастырь прочно связывался с фигурой Алексан-

⁵³ Лицевой летописный свод. Кн. 8: Шумиловский том, научный аппарат. М., 2006. С. 73; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 2. М., 2008. С. 270.

⁵⁴ Подробнее см.: Сиренов А.В. Александр Невский... С. 372–373.

⁵⁵ См.: Мельник А.Г. Самые популярные русские святые... С. 83–84.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Сиренов А.В. Александр Невский... С. 376.

дра. В документе 1399 г., подтверждающем вклады московских князей в монастырь, он именуется «монастырем Рождества святыя Богородица в Володимери и гробом деда... [московского князя. — А.У.] великого князя Александра»⁵⁸. «Гробом великого князя Александра» обитель именуется и позднее⁵⁹. Во второй половине XVI в. — уже после канонизации Александра — в актах Владимирский Рождественский монастырь именуется «домом Рождества Пречистой и чудотворца/великого чудотворца Александра Невского»⁶⁰. В актах более раннего времени речь шла о монастыре «Пречистой Рождества монастыре», доме «Рождества Пречистой Владимирской», «Пречистой во Владимире» и т.д.⁶¹

Именно с Владимирским Рождественским монастырем было связано происхождение главных литературных памятников, посвященных Александру Невскому. В его стенах уже в 80-е гг. XIII в. была составлена Повесть о Житии Александра. Там же написаны Служба и Слово похвальное. Последнее в середине XVI в. было включено в главный агиографический свод Московской Руси — в Великие Четьи-Минеи. Они составлялись по поручению митрополита Макария — главного идейного вдохновителя венчания Ивана IV на царство. Несколько лет спустя на основе Слова похвального было создано Житие Александра Невского для Степенной книги. В 1591 г. с привлечением рассказа об этом князе, представленного в Степенной книге, несомненный выходец из владимирской обители Иона (Думин) составил Пространную редакцию Жития.

С особым вниманием к фигуре Александра великих князей следует связывать и их вклады во владимирскую обитель, которую, как отмечалось выше, не жаловали своим вниманием представители крупных боярских родов. На протяжении всего XVI в. московские государи не забывали обитель, в которой заботливо хранились мощи их предка. В 1505 г. великий князь Василий III дал монастырю «на Высокой реке деревни и починки»⁶². В 1551/52 г. его сын дал другой крупный вклад — 900 руб. «по опальных людях», а также еще 250 руб. «да десять кобылиц ногайских за 50 руб.»⁶³. Спустя несколько лет по царице Марии Темрюковне

⁵⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. С. 118 (№ 86).

⁵⁹ Напр., см.: Там же. Т. 3. С. 119 (№ 87) (1430-е гг.).

⁶⁰ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь... № 20, 22, 25–27, 29, 31–34, 37, 38, 40, 42–43.

⁶¹ Там же. № 3, 4, 6 и др.

⁶² Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря. С. 7.

⁶³ Там же. С. 7–8.

был дан вклад в 70 руб.⁶⁴ Царь Федор Иванович в 1594/95 г. дал Владимирскому Рождественскому монастырю земельные владения⁶⁵. Впрочем, эти вклады уступали по своему размеру тем вкладам, которые поступали в Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри. Реальный «вес» владимирского монастыря понемногу снижался, но формальный статус в иерархии удерживался еще очень долго.

* * *

Подводя итоги, зафиксируем, что как формальный статус, так и реальный «вес» монастыря складывался из ряда факторов. Главными среди них были статус вкладчиков и постриженников, влияние выходцев из обители на церковное управление, история обители и святыни, которыми она располагала. По сути, во всех монастырях эти факторы были одинаковыми. Различался лишь их удельный вес. Если влияние такого относительно «молодого» монастыря, как Иосифо-Волоколамский, основывалось в первую очередь на активности его постриженников, игравших значимую роль в церковном управлении, и отчасти поддержке ктиторов, то статус владимирской обители обеспечивался иными ресурсами. Исключительно высокое — сначала 1-е, затем 2-е место Владимирского Рождественского монастыря в церковной иерархии не было связано с составом вкладчиков и братии или с какой-то исключительной активностью выходцев из обители. Особое положение обители определялось, во-первых, ее древностью, во-вторых, прославлением своей главной святыни — мощей святого государя, по сути, являвшегося основателем правящей династии.

⁶⁴ Там же. С. 8.

⁶⁵ Там же.

REFERENCES

1. Akty Pokrovskogo suzdaľ'skogo Devich'eva monastyrya XVI — nachala XVII veka [Acts of the Pokrovsky woman's monastery in Suzdal of the XVI — beginning of the XVII centuries]. M., 2019.
2. Akty Rossijskogo gosudarstva. Arhivy moskovskih monastyrej i soborov, XV — nachalo XVII v. [Acts of the Russian State. Archives of the Moscow monasteries and cathedrals, the XV — beginning of the XVII cc.]. M., 1998.
3. Akty social'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV — nachala XVI v. [The acts of the social-economic history of the North-Eastern Russ of the end of XIV — the beginning of XVI c.]. Vol. 3. M., 1964.
4. *Alekseev A.I.* Sinodik Chudova monastyrya v Moskovskom Kremlje [Necrology of the Chudov Monastery in the Kremlin] // Vestnik cerkovnoj istorii. 2019. № 3–4 (55–56). P. 5–239.
5. *Antonov A.V.* Votchinnye arhivy vladimirskih monastyrej i soborov XIV — nachala XVII v. [Manorial archives of monasteries and cathedrals of Vladimir, the XIV — beginning of the XVII cc.] // Russkij diplomatarij. M., 1998. Vyp. 4. P. 181–219.
6. *Bulanin D.M.* Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' kak kul'turnyj centr Drevnej Rusi [Vladimir Rozhdestvensky Monastery as a Cultural Center of Old Rus'] // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. L., 1981. T. 36. P. 71–79.
7. *Daystra T.* Inocheskie imena v Moskovskoj Rusi i problemy identifikacii ih obladatelej (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyrya, 1479–1607) [Monastic names in Moscow Russia and the problems of identification of holders (based on the sources from Joseph-Volokolamsk Monastery, 1479–1607)] // Imenoslov. Istoricheskaya semantika imeni. Vyp. 2. M., 2007. P. 238–298.
8. *Daystra T.E.* Russian Monastic Culture: «Josephism» and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. Munchen, 2006.
9. *Dmitrieva Z.V.* Starcy-vkladchiki Kirillo-Belozerskogo monastyrya (1540–1610-e gody) [Startsy-contributors of Kirillo-Belozersky Monastery (1540–1610)] // Istorik i istochnik: sb. st. k yubileyu Sergeya Nikolaevicha Kistereva. M.; SPb., 2018. P. 238–255.

10. *Dobrovol'skaya M. V.* Moskovskaya znat' po antropologicheskim materialam nekropolya Chudova monastyrya [Moscow nobility according to anthropological materials from the necropolis of the Chudov Monastery] // *Arheologiya Moskovskogo Kremlya. Raskopki 2016–2017 gg.* M., 2018. P. 130–137.
11. *Emchenko E. B.* Stoglav: issledovanie i tekst [Stoglav: Study and Text]. M., 2000.
12. *Florya B. N.* O rekonstrukcii sostava drevnerusskikh bibliotek [About the reconstruction of the Old Russian libraries structure] // *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga. Sb. 1.* M., 1972. P. 52–59.
13. *Hozyajstvennye knigi Chudova monastyrya 1585/86 g.* [Household books from chudov Monastery 1585/86] / Podg. teksta S. N. Bogatyreva. M., 1996.
14. *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint. Brill; Leiden; Boston, 2006.
15. *Ivina L. I.* Krupnaya votchina Severo-Vostochnoj Rusi konca XIV — pervoj poloviny XVI v. [Large Votchina of North-East Russia at the end of the XIV — first half of the XVI cc.]. L., 1979.
16. *Kisterev S. N.* Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' v dokumentah XVI — nach. XVII v. [The Nativity Monastery in Vladimir depicted in the documents of the XVI — beginning of the XVII cc.] // *Russkij diplomatarij.* M., 2000. Vyp. 6. P. 90–147.
17. *Kloss B. M.* Izbrannye trudy [Selected Works]. Vol. 1. M., 1998.
18. *Konyavskaya E. L.* Aleksandr Nevskij v istoricheskikh istochnikah [Alexander Nevsky as depicted in historical sources] // *Aleksandr Nevskij. Gosudar', diplomat, vojn. Kollektivnaya monografiya. Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet)* [Aleksandr Nevskij as ruler, diplomat, warrior. Collective monography. Moscow State Institute of International Relations]. M., 2010. P. 209–218.
19. *Konyavskaya E. L.* Obraz Aleksandra Nevskogo v rannih letopisyah Alexander Nevsky depicted in Russian chronicles // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2009. № 2 (36). P. 55–63.
20. *Kurganova N. M.* Stranicy istorii nekropolya goroda Suzdalya [Pages from the history of necropolis of the city of Suzdal]. M., 2007.
21. *Lenhoff G.* Unofficial Veneration of the Danilovichi in Muscovite Rus' // *Moskovskaya Rus' (1359–1584): kul'tura i istoricheskoe samosoznanie.* M., 1997. P. 391–416.
22. *Licevoj letopisnyj svod. Kn. 8: Shumilovskij tom, nauchnyj apparat* [The «Illuminated Chronicle». Book 8]. M., 2006.

23. *Makarij (Veretennikov)*. Suzdal'skij episkop Gennadij 1517–1531 gg. [Macarius (Veretennikov). Gennady, Bishop of Suzdal 1517–1531]// Vestnik cerkovnoj istorii. 2007. № 2. P. 215–222.
24. *Makarij (Veretennikov)*. Zahariya [Macarius (Veretennikov). Zahariya]// Pravoslavnaya enciklopediya. T. 19. M., 2008. P. 695.
25. *Mansikka V.P.* Zhitie Aleksandra Nevskogo (Razbor redakcij i tekst) [The Life of Alexander Nevsky (analysis of the edition and texts)]. M., 1913.
26. *Margolina T.A.* K voprosu o svyazi moskovskogo boyarstva s Novodevich'im monastyrem [To the question of a connection between the boyars of Moscow and Novodevichiy Monastery]// Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture [Novodevichiy Monastery in Russian culture]. Mat. nauch. konf. 1995 g. M., 1998 (Trudy GIM. Vyp. 99). P. 70–72.
27. *Mashtafarov A.V.* Vnov' otkrytye monastyrskie akty XV — nachala XVII v. [The newly discovered monastery acts from the XV — beginning of the XVII cc.]// Russkij diplomatarij. M., 1998. Vyp. 4. P. 36–52.
28. *Mayasova N.A.* Drevnerusskoe licevoe shit'e [Old Russian Embroidery]. Katalog. M., 2004.
29. *Mel'nik A.G.* K istorii pochitaniya sv. Sergiya Radonezhskogo v XVI v. [On the history of honouring of Sergius of Radonezh in the XVI c.] // Troice-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i duhovnoj zhizni Rossii [Trinity Lavra of St. Sergius in history, culture and spiritual life of Russia]. Sergiev Posad, 2012. P. 23–31.
30. *Mel'nik A.G.* Pochitanie Sergiya Radonezhskogo v russkih monastyryah XVI v. [Honouring of St. Sergius of Radonezh in Russian monasteries in the XVI c.]// Voprosy istorii. 2015. № 1. P. 152–156.
31. *Mel'nik A.G.* Samye populyarnye russkie svyaty v XVI v. [The most popular Russian saints in the XVI c.] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2011. № 3 (45). P. 83–84.
32. *Nikolaeva P.V.* Troice-Sergiev monastyr' v XVI — nachale XVIII v. Vklady, vkladchiki, sostav monasheskoj bratii [The Trinity Monastery of St. Sergius in the 16th Through Early 18th Centuries. Investments, Investors, and the Composition of the Brethren]. Sergiev Posad, 2009.
33. *Parfent'ev N.P., Parfent'eva N.V.* Varlaam (Rogov) // Pravoslavnaya enciklopediya. T. 6. M., 2003. P. 597–598.
34. *Rozov N.N.* Pohval'noe slovo velikomu knyazyu Vasiliyu III [Commendation of the Grand Prince Vasily III]// Arheograficheskij ezhegodnik za 1964 god. M., 1965. P. 278–289.
35. *Samojlova T.E.* Knyazheskie portrety v rospisi Arhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlya [The Images of Princes in Murals of Archangel

- Michael Cathedral of the Moscow Kremlin]. Ikonograficheskaya programma XVI veka. M., 2004.
36. *Samojlova T.E.* Novootkrytyj «portret» Vasiliya III i ideya svyatosti gosudarya i gosudareva roda [The newly discovered «image» of Vasily III and the idea of holiness of the ruler and his family] // *Iskusstvoznanie*. 1/99. P. 39–58.
 37. *Shenk F.B.* Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroj (1263–2000) [Alexander Nevsky in the Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National hero]. M., 2007.
 38. *Shvedova M.M.* Caricy-inokini Novodevich'ego monastyrya [Princesses-nuns at Novodevichy Convent]// *Novodevichij monastyr' v russkoj kul'ture* [Novodevichy Convent in Russian Culture]. Mat. nauch. konf. 1995 g. M., 1998 (Trudy GIM. Vyp. 99). P. 73–93.
 39. *Sirenov A.V.* Aleksandr Nevskij v kul'ture Rossii Srednevekov'ya i Novogo vremeni [Alexander Nevsky in the medieval and the new time history of Russia]// *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk*. 2016. M., 2017. P. 368–380.
 40. *Sirenov A.V.* Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. [The Book of Degrees and Russian historical thought of the XVI–XVIII cc.]. M.; SPb., 2010.
 41. *Sizov E.S.* «Voobrazheny podobiya knyazej»: Stenopis' Arhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlya [«Depicting similarities of the princes»: Murals of Archangel Michael Cathedral of the Moscow Kremlin]. L., 1969.
 42. *Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam* [The Book of Degrees of the Tsar Genealogy]. T. 1. M., 2007.
 43. *Stepennaya kniga carskogo rodosloviya po drevnejshim spiskam* [The Book of Degrees of the Tsar Genealogy]. T. 2. M., 2008.
 44. *Stroev P.M.* Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej rossijskoj cerkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. SPb., 1877.
 45. *Tihonravov K.N.* Vladimirsij Rozhestvenskij monastyr' XII veka, gde pochivali sv. moshchi v. k. Aleksandra Nevskogo, do pereneseniya v S.-Peterburg [Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir in the XII c., where the saint relics of Alexander Nevsky rested before transition to St. Petersburg]. Vladimir, 1869.
 46. *Tihonravov N.S.* Drevnie zhitiya prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo [Ancient Life of St. Sergius of Radonezh]. M., 1892.
 47. *Trudy Vladimirsogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Proceedings of the Vladimir statistical governorate committee]. Vladimir, 1864. Vyp. 3. P. 1–46.
 48. *Usachev A.S.* Knigopisanie i problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossii XVI v. [The production of manuscripts and the problems of social

- and economic development of Russia in the 16th century] // Rossijskaya istoriya. 2019. № 6. P. 180–201.
49. *Usachev A.S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vyhodnyh zapisej* [The Writing of books in Russia in the 16th Century: on Materials of Dated Colophons]. T. 1. M.; SPb., 2018.
50. *Usachev A.S. O sostave Osvyashchennogo sobora v 1566 g.* [On Participants of the 1566 Osvyashchennii sobor (Church Council in 1566)]// *Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii. XV — seredina XVII v. / Otv. red. V.D. Nazarov. M., 2017. P. 101–117.*
51. *Usachev A.S. Pochemu zakonchilas' «volokolamskaya gegemoniya» v Russkoj cerkvi XVI v.?* [Why did the «Volokolam hegemony» in the Russian church of the 16th century come to an end?] // Rossijskaya istoriya. 2017. № 5. P. 97–113.
52. *Usachev A.S. Steppennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya* [The Book of Royal Degrees and Old Russian Book Culture of the Time of Metropolitan Makarii]. M.; SPb., 2009. P. 375–393.
53. *Usachev A.S. Vologodskij episkop Antonij i Russkaya Cerkov' v period bor'by za vlast' pri dvore v seredine 1580-h gg.* [St. Anthony Bishop of Vologda and Russian Church during the period of struggle for power at court in the middle of 1580s] // Rossijskaya istoriya. 2018. № 6. P. 136–146.
54. *Vkladnaya kniga vladimirskogo Rozhdestvenskogo monastyrya* [Book of contributions to the Vladimir Rozhdestvensky monastery]// *Trudy Vladimirskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vladimir, 1864. Vyp. 3. P. 1–46.*
55. *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI — pervoj poloviny XVII veka. Teksty.* [Legislative acts of the Russian state of the second half of the 16th century — the first half of the 17th century. Texts]. L., 1986.
56. *Zimin A.A. Krupnaya feodal'naya votchina i social'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konec XV–XVI v.)* [Large Feudal Fiefdom and Socio-Political Struggle in Russia in the Late 15th–16th c.]. M., 1977.

Ключевые слова:

Александр Невский, Владимирский Рождественский монастырь, Русская церковь, церковная иерархия, почитание святых, канонизация, епископат.

Andrey S. Usachev

THE NATIVITY OF THE VIRGIN MONASTERY IN VLADIMIR AND THE VENERATION OF ALEXANDER NEVSKY IN RUSSIA IN THE 16th CENTURY

The article analyzes the factors that determined the formal status and the actual «power» of monasteries in Medieval Russia. It is noted that, basically, the set of factors was the same for different monasteries. It included the status and wealth of inhabitants and supporters, prominent religious personalities among former inhabitants, the monastery's history, and shrines in possession. The only thing that was different is the degree of impact of the factors. For example, the dominant status of the Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir, being ranked first in the formal «hierarchy» of Russian monasteries (the second after 1561), was determined by two factors. The first one is the age of the monastery. Placed in the medieval capital of the North-Eastern Rus' and the Grand Duchy of Vladimir, it was founded much earlier than other essential Russian monasteries that existed in the 16th century: Trinity Lavra of St. Sergius, Novospassky Monastery, Chudov Monastery, Simonov Monastery, Kirillo-Belozersky Monastery, Pafnutiev Borovskiy Monastery, and Joseph-Volokolamsk Monastery. The second factor was the emphasis that the church and political authorities laid upon the personality of Alexander Nevsky who essentially established the dynasty of the Moscow princes. It was done specifically to enhance the dynasty's prestige. And, since the veneration of Prince Alexander was not yet widespread in the 16th century, the Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir holding his ossuary dominated at the time. Thus, the monastery was under close attention from the Moscow church and authorities.

Key words: Alexander Nevsky, the Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir, Russian Church, church hierarchy, veneration of the Saints, canonization, episcopacy.

Andrey S. Usachev — D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities.

 Усачев Андрей Сергеевич

доктор исторических наук, профессор РГГУ